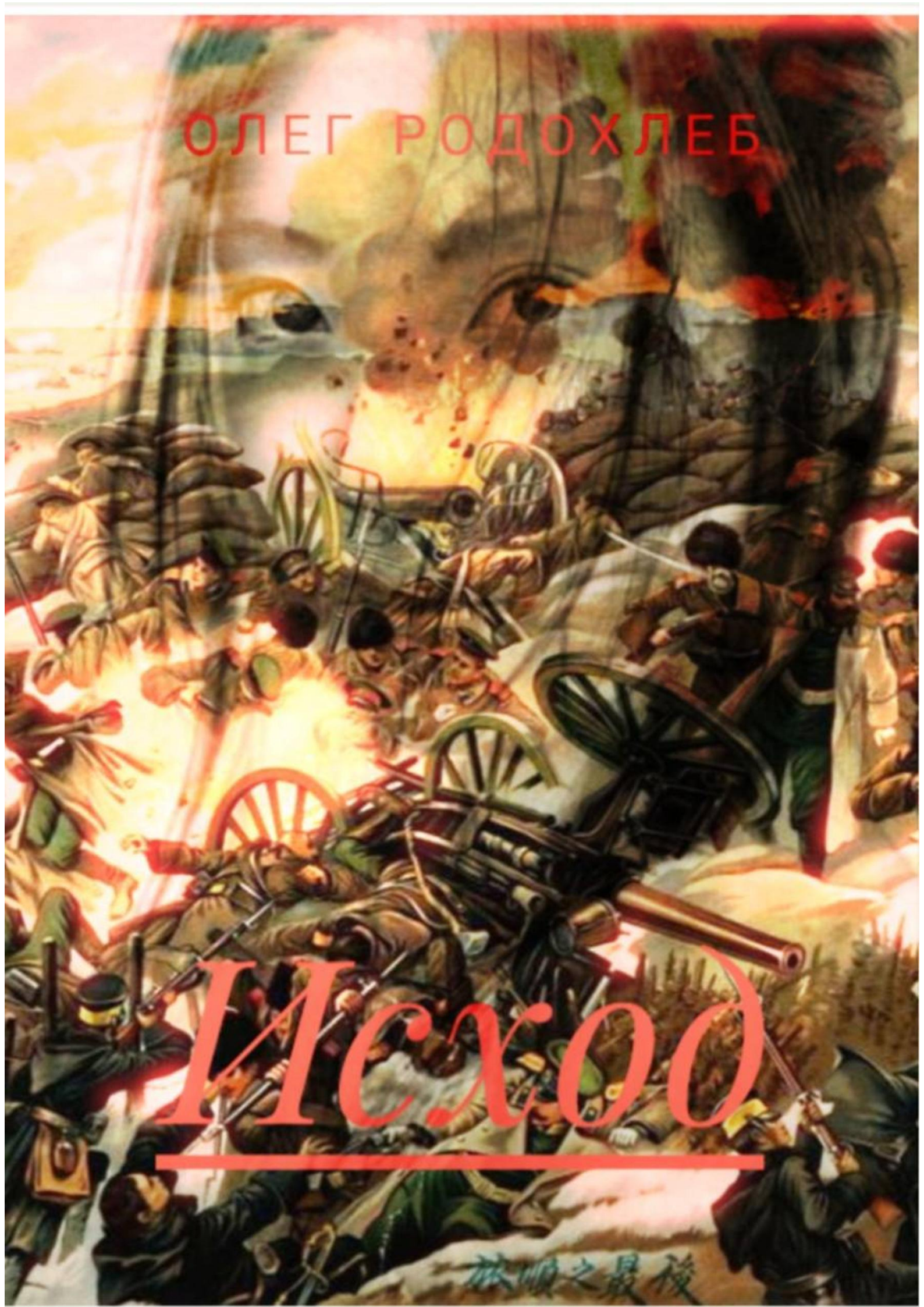

ОЛЕГ РОДОХЛЕБ

Исход

旅順之最後

Олег Родохлеб

Исход

«Автор»

2026

Родохлеб О.

Исход / О. Родохлеб — «Автор», 2026

Этот исторический роман посвящен когда-то русскому городу Порт-Артур и людям, жившим в нем во время русско-японской войны. Читателю предоставляется возможность погрузиться в атмосферу того далекого и во многом забытого времени. Этот роман это взгляд русского офицера на все происходящее в новом крае России, и, в первую очередь, это философский взгляд. Также в романе читатель узнает о трагических гибелях очень известных и прославленных людей того времени, вошедших в историю и по сей день высоко почитаемых в России. Сам герой - это человек, который познает сам себя в сложившейся ситуации. Он в подробностях рассказывает о своих мыслях и действиях, о той или иной ситуации и, конечно, о людях, которые его окружают. В романе тесно связаны темы жизни и смерти, любви и предательства, надежды и отчаяния.

© Родохлеб О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Исход

Глава 1

Иногда мне кажется, что я проживаю совершенно не свою жизнь, я, которому немногим за тридцать, поручик инженерных войск, стоявший сейчас на крыльце своего небольшого домика на военно-морской базе в сумерках поздним вечером.

Вообще, подобные дома давали людям семейным, но я не был из их числа, хотя и получил вчера в проживание как офицер именно такой дом. Поселился я здесь со вчерашнего вечера, и уже утром на следующий день я отправился в комендатуру встать на учет.

Как я уже успел понять, в городе проживали русские солдаты и офицеры, а также китайцы, корейцы и даже японцы. В течение дня мне немного удалось познакомиться с гарнизонами и проживавшими в нем людьми. Город делился на две части: «старый» и «новый». Новый город заселяли в большинстве русские офицеры и их семьи. В старом городе я еще не был, а только слышал о его существовании, очень неуютно мне было тут находиться. Меня терзала тоска по дому уже с первого дня пребывания в этом городе у далекого Желтого моря, такого незнакомого мне. Удивительно, но и люди были тут с другой ментальностью по сравнению с нашими губерниями, точнее сказать, как мне показалось на первый взгляд, русские слились с местными китайцами и другими азиатами и смотрелись вполне гармонично вместе.

В последующие дни, когда начались служба и обычные будни, я присмотрелся к местному населению и кое-что я понял. Во-первых, японцев, китайцев и корейцев я различить не мог, хотя местные русские, прожившие тут несколько лет, их различали так же, как их языки. Я родился и вырос в Воронежской губернии, и по службе меня отправляли только в пределах империи, не более того.

Ну что ж я здесь, на чужой земле, и мне придется свыкнуться с мыслью, что я в этом краю надолго, так как срок службы мне никто не определил.

Называл чужими я эту землю и этот город не потому, что в них не было ничего русского, а за их атмосферу, в которой витал китайский дух или, скажем, азиатский. Русского здесь было более чем достаточно: современные здания, инфраструктура – все это привезли с собой русские люди. На месте Порт-Артура стояла деревня Люйшунь, которой до цивилизации было очень далеко. Но на улицах старого, да и нового города царила азиатская, как я уже сказал, атмосфера: всюду люди играли в карты и еще в какие-то настольные игры, для меня непонятные. Справедливости ради надо заметить, что китайцы были азартными людьми, просто так они никогда не играли, они все время делали ставку на что-то, на деньги или на какие-то вещи. Нередко видели, как утром пьяный китаец выходил из местного бара, проигравшись за ночь.

Кухня и многое другое также преобладали здесь азиатские. Вот в таком городке, совершенно непохожем на другие, в которых я служил до этого, я начал нести свою армейскую службу.

С самого начала службы я понимал, что я здесь надолго, не знаю, почему, но чувство такое у меня было. Я бы мог сразу предположить, почему идет такая массовая переброска войск в эту часть России, край, который местные называли Маньчжурией, официальное же название было Квантунская область. И как мы, маленькие люди, могли что-то понимать в политической игре больших стран. Абсолютно ничего! Наше дело было простое: втесаться маленьким винтиком в большой механизм и выполнять свой военный долг.

Вот так с мыслями о будущем я провел первых четыре месяца в этом гарнизоне. Не самое веселое время в Артуре для меня, но все же время, когда я вкусил настоящей Азии, ощутил, какой она была, не по рассказам других людей и не из газет, а именно сам, пожив здесь какое-то время.

Можно назвать этот город русским после четырех месяцев пребывания здесь? Да, можно, но со своим азиатским уклоном. Однажды вечером я отправился к своему командиру в гости, звали его Михаил Романович Гуляев, он жил с женой и детьми. Вообще, я редко ходил к кому-то в гости, но тут пришлось пойти, потому что я был приглашен на годовщину по случаю десятилетия бракосочетания.

Михаил Романович был человек добродушный и к своим солдатам как офицер относился очень хорошо, в армии его любили. Вот и мне пришлось служить под его началом, мы с ним, конечно, друзьями не были, но отношения были прекрасные. Я почему-то согласился прийти к нему домой в этот раз, хотя, повторюсь, никогда раньше не отвечал на приглашения.

Итак, вечером придя в гости, я увидел много знакомых лиц и был очень впечатлен этим. Я сразу подумал, что очень мало общаюсь со своими сослуживцами, да и вообще с людьми.

Толпа людей расположилась в большой гостиной уютного офицерского дома. Кто-то сидел в ожидании начала торжества, кто-то уже пил шампанское, часть людей вышла на балкон, выходящий из комнаты. Стоял гул, я огляделся, и вдруг меня заметил сам хозяин дома. Михаил Романович подошел ко мне, пожал руку и спросил, давно ли я пришел, предлагая сесть рядом с большим камином. Я сел у огня, и мне стало теплее, но не уютнее, гости сильно шумели, и я, как всегда, задумался о чем-то своем, выпив стакан вина.

Уже поздним вечером, когда гостей стало меньше и многие уже разошлись по домам, я также засобиравшись домой, но вдруг услышал громкий стук в дверь. Музыка затихла, стук продолжался. Первой к двери подошла служанка. Она открыла дверь, на пороге стоял пожилой человек, то ли китаец, то ли кореец, то ли японец. Он в мокрой одежде зашел в комнату (на улице была осенняя морось) и что-то попытался сказать на русском языке, но его никто не понял. Я узнал этого старика, он торговал, кажется, на моей улице овощами. Это был местный крестьянин. Но что его привело в дом штаб-офицера, было не понятно? Михаил Романович Гуляев был в округе известный человек, и этот торговец не просто так ворвался в его дом, видимо, что-то случилось. К счастью, служанкой в доме была китайка. Выяснилось, что он звал на помощь, дело было в том, что русские солдаты пытались проникнуть к нему в дом. Вероятнее всего, они были пьяны. Это был первый такой случай на моей памяти, чтобы русских солдат обвиняли в подобном.

Мы тут же вчетвером вышли на улицу и отправились к дому старика. Пошли я, Николай Тимофеевич, человек в возрасте, он был тоже поручик, как и я, было заметно, что он был достаточно пьян, и я бы сказал, неуправляем, тем более в эту минуту. Злость захлестнула его, и он шел быстрым шагом впереди всех. На мгновение я подумал тогда про то, почему же он до сих пор поручик, хотя ему уже было около пятидесяти, видимо, сказались его необдуманные поступки в горячке. Даже в таких ситуациях я старался приглядываться ко всем, кого видел.

Справедливости ради нужно отметить, что Николай Тимофеевич этот был отнюдь не из столбовых дворян, у него скорее всего было крестьянское происхождение. Он все ускорял и ускорял шаг, с ним были ещё двое, прапорщик и подпоручик, я их раньше не видел и не знал. Я отправился с ними, идти до моей улицы к дому этого китайца было версты две. Ночью уже не ездили извозчики, и мы шли под прохладной осенней моросью, ветер дул в лицо. Мне казалось, что в такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит из дому. «Какие там могут быть пьяные солдаты? Все давно уже спят!» – твердил я себе

Наши армейские сапоги скользили по глиняным размокшим дорогам города, и вдруг поручик, поскользнувшись, упал прямо в грязь, тут же проворный китаец, который вел нас и шел самым первым, кинулся помогать подняться тучному поручику. Вдруг неожиданно для всех мы услышали выстрел, потом еще один. Стало тихо, мы стояли как вкопанные. Китаец смотрел в сторону своего дома и, видимо, не мог поверить в то, что эти выстрелы доносились именно оттуда. Когда мы прибыли на место, то перед нами предстала следующая картина.

На пороге дома на улице стоял человек с ружьем, стоял он спиной к нам, и я сразу понял, что это не русский, так как на нем была обычная одежда, а не военная. Я приблизился к нему первым и тут же его обезвредил, мы забежали в дом, в нем было все перевернуто, за столом сидели три китайца, они смотрели на нас, а мы на них, наверное, доли секунды, потом началась перестрелка. Так получилось, что в этой злосчастной перестрелке погиб старик, ранены и задержаны были два китайца, двоим удалось уйти.

Хунхузы, сколько я слышал про них и сколько местные про них рассказывали, под покровом ночи грабят и насилюют местных. Я никогда не мог подумать, что познакомлюсь с ними при подобных обстоятельствах. После задержания мы связали их и оставили лежать на полу до прибытия полиции. Старик, мертвый, лежал тут же рядом лицом вниз, поручик его накрыл каким-то покрывалом. Я почувствовал, что в этом доме есть кто-то еще, с осторожностью зашел в соседнюю комнату, коих тут было две, и увидел силуэт женщины, точнее молодую китаянку. Она стояла у окна возле зажжённой свечи, и тень падала на ее лицо так, что его было не разглядеть, в руке у нее был нож. Тут же за мной зашли поручик и прибывшая полиция.

Девушку удалось успокоить и вывести на улицу. Полиция обнаружила еще один труп мужчины, в которого бандиты выстрелили два раза. Это был тоже китаец, сосед старика и молодой девушки, и пока было не понятно, кто кем кому приходится. Страшная картина была передо мной и очень печальная, сразу на выстрелы сбежались люди, в том числе некоторые из дома Михаила Романовича. Чуть позже я отправился домой спать.

Утром было пасмурно, я проснулся раньше обычного, сегодня не надо было на службу. Чуть позже я от местных узнал о том, что хунхузы дали первые показания. Выяснилось следующее: ночью ворвавшись в первый подходящий дом, бандиты сразу набросились на девчонку, она была в первой комнате. Старика же они не заметили, так как он уже спал в такой час. Когда девушка закричала, старик побежал за помощью к Михаилу Романовичу, так как увидел свет и шум в его доме. Ну а потом погиб их сосед, прибежавший на помощь, сам хозяин дома. Судя по всему, китаянка подверглась насилию со стороны бандитов. Я в тот момент, когда это услышал, почему-то захотел встретиться с ней. Честно признаться, меня это происшествие очень взволновало, никогда раньше я не видел ничего подобного. Но вскоре все улеглось, хунхузов осудили и посадили в тюрьму, и, можно сказать, я забыл про эту историю, о дальнейшей судьбе этой молодой китаянки я так и не узнал.

Шло время, я нес службу, наш полк укреплял сооружения по всей линии защитной крепости. В ноябре в этом краю пора особенная: прохладная погода, но днем еще припекает солнце. Мы в осенние дни не меньше, чем в летние, обливались потом, сооружая ту или иную часть крепости, казарма это была или дот, не важно, строительство шло полным ходом. Кто-то сверху из наших начальников торопил весь гарнизон вооружать крепость от врага с сухопутной стороны. Как несложно было догадаться, враги были для нашей империи только одни – это японцы, кстати, тоже империя. Все время проживания здесь я только и слышал, что рано или поздно японцы нападут на Порт-Артур и война неминуема. Что касается самого порта, то это был не просто порт, а главная база Тихоокеанского флота, перенесенная сюда из Владивостока.

Порт был незамерзающим, и, как говорили морские офицеры, это было одной из главных причин освоения русскими этого уголка китайской Маньчжурии. База действительно было внушительной. Военные корабли стояли в западном бассейне бухты и, казалось, были нескрушимыми по своей мощи. Моряков было в городе также много, постоянные стычки в питейных заведениях по ночам между моряками и сухопутными служивыми были обыденностью. Вообще, морские жили лучше, чем мы, они жили на своих кораблях и не нуждались практически ни в чем, условия жизни были достаточно комфортными, чего не скажешь о наших рядовых и их старшинах и сержантах. Казармы были не достроены, в самом городе были сделаны так называемые временки, но уже осенью 1903 года, когда взялись всерьез за строительство укреплений, казармы также строили в крепостях, где уже располагалась часть военных. Как ни

странно, но учений за пять с небольшим месяцев моего пребывания здесь я не видел. Учения, конечно, были, но не в масштабном смысле. Все это меня удивляло не меньше, чем остальных.

Если взять обстановку хоть в новом, хоть в старом городе, то она была напряженной. Местное китайское население не раз было уличено в шпионаже на японцев, наши военные не распространяли таких слухов среди жителей, возможно боясь реакции русских или еще по каким-то причинам.

Китайцы были как будто не причастны к этой явной вражде между двумя империями, удивляло даже не то, что они просто стояли в стороне в роли жертвы или наблюдателя, а то, что это все происходило на их земле. Часть Ляодунского полуострова русским они отдали в аренду на ограниченный срок после того, как японцы были выгнаны отсюда, но обещали вернуться с войной. Ощущение неизбежности войны было тогда у многих, но высшее руководство так не считало, судя по слухам, которые доходили до нас.

Но вернемся к моему быту, сказать по правде, мне не очень интересно было жить тут, особенно холостяком. Сейчас был ноябрь, холодные дожди в это время года не редкость. Вот и сегодня выдался такой прохладный пасмурный денечек, я шел по дороге домой и постоянно всматривался в фанзу, в которой случилось это происшествие с хунхузами, точнее, кровавая бойня, по-другому не скажешь. Китайская фанза – это русская изба. Зачем я всматривался в нее? Да для того, чтобы увидеть, живет в ней кто-нибудь или нет. Однажды я решил проверить и зашел в гости. На пороге меня встретила девушка, сидящая прямо на голой земле в каких-то странных чоботах, она перемывала рис в большом металлическом тазу. Китайцы очень невнимательны в быту, к ним можно подкрасться незаметно. Я подошел к ней сзади почти бесшумно, только последний момент девушка лет двадцати, похожая на ребенка, резко обернулась, и я увидел ее азиатские черные глаза, она вела себя скованно и, кажется, потом впала в ступор. Откровенно говоря, китайцы, а особенно девушки, побаивались русских военных. Сейчас она стояла в платье, больше похожем на бушлат темно-коричневого цвета и, не отводя от меня глаз, что-то говорила по-китайски, я ничего не понял. Я поднял две руки и дал ей понять, что не причиню ей ничего плохого. Она пыталась что-то спросить у меня, наверное, зачем я пришел к ней?

Постояв еще несколько секунд, я ушел. Сомнений не было, это была именно та китаянка, которая осталась жива после нападения хунхузов. Я оглянулся и увидел, что она все еще стоит и смотрит на меня. Дома, конечно, были у местных крестьян наибеднейшие, впрочем, так же, как и у нас, крестьяне живут небогато, но местный быт удивил меня своей беднотой больше, чем наш. Все же я должен был сказать себе правду: меня абсолютно не интересовали местные бедняки, коих тут было большинство, меня привлекла эта китаянка, вот и все. Я признался себе в этом.

Каково же было мое удивление, когда в этот же день вечером она пришла ко мне в дом. Часу в восьмом вечера, когда наступили сумерки, на пороге своего дома я увидел именно ее, она выглядела просто превосходно. Я увидел аккуратно одетую с белой кожей на лице с черными, как уголь, глазами и такими же черными волосами девушку. Она была одета в очень легкое, можно сказать летнее, платье бежевого цвета. Сейчас она была похожа больше на японку, чем на китаянку. Я пригласил ее в дом, без единого слова мы вошли. Диалога между нами не было никакого. Вдруг она вытащила листок бумаги, на котором было написано «Сонг» на русском языке. Я сразу понял, что это ее имя. «Наверное, так она представлялась всем русским в городе», – подумал я

Я поставил самовар, и вскоре мы пили чай. Мы смотрели друг на друга, и, кажется, нам не нужно было ничего говорить – ситуация этого не требовала. Тишина и покой с горячим чаем и красивой китаянкой – это было то, что мне надо.

Утром я, как всегда, проснулся на службу, Сонг спала крепким сном, что меня удивило. В голове я уже дал ей характеристику, возможно, она была приемной дочерью этого убитого

старика или племянницей. Сонг была недолюбленной – это точно, на вид ей лет двадцать, я смотрел на нее и думал о ней, и тут она открыла глаза. Она нисколько не смутилась, а совсем наоборот! В это утро я опоздал на службу, ведь все это было не так важно, а важно было то, что я нужен был ей, а она мне.

На службе никто не знал, что Сонг живет у меня, впрочем, она жила на два дома, про свой она тоже не забывала, но все же жила со мной. В тот же вечер я попросил одного своего сослуживца достать мне русско-китайский разговорник, и он достал.

Так я и Сонг стали влюбленными и счастливыми. Позже я выяснил у нее про убитого бандитами старика (он ей был родной отец, который злоупотреблял алкоголем), он воспитывал ее один без матери. Я еще многое выяснил про ту роковую ночь. По ее словам, отец время от времени встречался с хунхузами и имел с ними дела, но какие, она не знала. И вот ее отец что-то задолжал им и не отдал вовремя. Расправа должна была быть моментальной, хунхузы были очень жестокими, и, если бы старик не прибежал в ту ночь к нам за помощью, возможно, Сонг была бы так же, как ее отец и сосед, мертва. Но судьба распорядилась иначе. Вот такие истории происходили в этом русско-китайском городе.

Признаюсь честно, жизнь моя после встречи с Сонг стала играть другими красками: город уже казался не таким серым и скучным, а далекая чужая азиатская сторона стала не такой уж далекой и чужой. Да и что-то там говорить, большинство русских семей, проживающих на Квантунском полуострове, уже совершенно не мыслили свою жизнь без этой земли. За шесть лет владения этой землей было сделано немало. Даже я, прожив тут без малого полгода, стал частью этих людей.

Более того, я стал жить с местной китайкой. Родными мне становились и мои сослуживцы, и подчиненные. С каждым днем их прибывало в Порт-Артур все больше и больше со всех уголков нашей страны. Порт-Артур был не просто военно-морской базой, он был городом-крепостью, укрепленной фортами с севера на сухопутье. Вот и сейчас этой поздней осенью в конце ноября прибывающих военных стягивали именно для продолжения строительства укреплений. Очень многие укрепления были только на начальном этапе постройки. Я все более и более убеждался в том, что согласия в нашем высшем руководстве не было. Об этом говорило тогда много фактов, но в мирное время на эти факты мало кто обращает внимание, тем более что комендант Порт-Артура А.М. Стессель в войну с Японией не верил. А вот обычные люди, проживающие не только в Артуре, но и в других населенных пунктах по всей области, уже всерьез обсуждают нападение японцев на нас.

По большому счету люди жили точно так же, как и в других городах России. Торговали, вели дела, крестьяне занимались своим делом, военные своим, предприниматели своим. Кстати, о последних нужно сказать, что многие из них приезжали в Артур из города Дальнего, это верстах в 35 к северо-востоку от него. Город был также построен на месте небольшой рыболовецкой китайской деревни через год после того, как русские начали заселять Квантунский полуостров.

Место было выбрано очень удачное для портового города, точнее сказать, для торгового порта. В этом городе я еще не бывал, но обязательно хотел съездить туда. У Сонг там проживали родственники, и на праздники мы должны были отправиться к ним в гости. Праздник у китайцев, как мне объяснили, только один в году – это Новый год, празднуют они его очень торжественно всей страной. Мне было очень интересно посмотреть на это празднование, вообще, я хочу заметить, что мне все больше хотелось понять местных и их культуру изнутри, чего нельзя было сказать о других русских, потому как было видно, что большинство военных, особенно офицеры разных чинов, относились к местному населению без особого интереса. Некоторые вели себя надменно, и это неудивительно, ведь китайцы и даже корейцы приезжали в подобные Артуру города на заработки из ближайших глухих деревень. Работали они на стройках, нанимались слугами и тому подобное. Больше всего меня удивляли рикши – нигде раньше

я не слышал о такой профессии. Обычно это был молодой человек из беднейшей семьи, плохо одетый, одним словом, бедняк. Его задача была отвезти человека из одного места в другое за определенную плату на своих двоих с помощью двухколесной небольшой тележки. Удивляло не то, что он был одет в рваное тряпье, а то, что его рабочие ботинки были в ужаснейшем состоянии. Никому не было никакого дела до этих людей. Также приток китайского населения в Артур был вызван стройкой нового города, собственно, в котором я и жил. Новый город застраивался с 1901 года, застраивался, надо сказать, интенсивно – вот и хлынули сюда рабочие китайские руки из всех окрестных сел. Так что китайское население было больше русского минимум раза в два.

Что касается древнейшей профессии, так здесь ее представительниц было хоть отбавляй. Местные женщины промышляли этим с основания города. Жившие солдаты в казарменных условиях подхватывали венерические болезни. О таком положении дел в рядах нижних чинов даже доложили на самый верх. Положение удалось улучшить кое-какими запретами и улучшением жилищных условий. Меня даже назначали членом комиссии по разбору данной проблемы.

Как я уже сказал, жить стало веселее, с Сонг у меня на удивление сложились прекрасные отношения, и она окончательно переехала ко мне, даже выучила несколько фраз на русском языке и во всем пыталась мне угодить точно так же, как и русские женщины. Она внесла в мой небольшой домик уютную домашнюю китайскую атмосферу. Как это ни странно, но такие интернациональные семьи были, как мне кажется, редкими в этом городе, несмотря на его многонациональность.

Я китайский язык не знал совсем, кроме двух-трех отдельных фраз, она знала русский ненамного больше, чем я китайский. Со временем она начала говорить достаточно понятно на русском, смешно, но я понимал ее. Что я думал, когда смотрел на неё? Задавал ли себе вопрос, зачем я женился, пусть и неофициально, на ней? Не из жалости ли, как это часто бывает в подобных случаях. Честно говоря, на эти вопросы я ответить себе не мог, вернее, не хотел. Наверное, чувства к Сонг у меня появились со временем, это были и привязанность, и мое одиночество, и, конечно, жалость. Жалость в хорошем смысле, наверное, была и любовь, я не знаю, но я был честен по крайней мере с собой. Когда Сонг что-то говорила, мне казалось, что она очень искренна, и хотелось верить ей сразу. Она была низковатого роста, как все китайки, с черными волосами, которые не заплетала в косу, почему-то это привилегия китайских мужчин отращивать длинные волосы, выбривать виски и заплетать длинную черную косу ниже пояса. Видно, это что-то значило в их культуре. Лицо у нее было круглое и очень красивое. У меня долго еще не ассоциировалось ее красивое ухоженное лицо с наибеднейшей крестьянской фанзой и пьющим отцом.

Скорее всего, Сонг была похожа на аристократку из дворянского гнезда. Просто удивительно, как она могла красиво одеться в свои национальные платья. Иногда, когда мы были наедине, она рассматривала меня, мое лицо и тело так пристально и молча. Ей не надо было ничего говорить, в ее взгляде и движениях мне было все понятно. Если кто-то и любил из нас двоих, так это она, в этом я не сомневался. Все читалось в ней, абсолютно все без каких-либо слов. Сонг была счастлива рядом со мной. Возможно, дело было в ее возрасте, она была младше меня на одиннадцать лет, ей было двадцать.

Как-то раз я шел по улице и обратил внимание на одно красивое здание в нашем новом городе – это была казарма для моряков. Шикарное здание, построенное точно по приказу военно-морского начальника. По-другому не объяснишь, скажу сразу, что Порт-Артур был анонсирован русскими только с одной целью – иметь незамерзающий порт в Тихом океане, а следовательно, нашей базе кораблей уделялось особое внимание. Она была главной Тихоокеанской базой, не так давно перенесенной сюда из Владивостока, как я уже говорил.

Вот и моряки были тут на особом счету, казалось, отбирали лучших и достойных. Вход в бухту перегораживал узкий участок земли, тянувшийся змеей, названный Тигровым хвостом. Когда стоишь на Перепелиной горе, то с высоты видишь его очень четко, п-ов Тигровый имел также стратегическую позицию в случае войны. Там располагались крепостные форты, батареи и редуты, полуостров был мощно укреплен. Батареи и укрепления также были на Золотой горе, стоящей на противоположном берегу от Тигрового. Может, кому-то и казалось, что все эти стратегические укрепления были надежной гарантией безопасности, но только не мне. Все это выглядело недостроенным и на мой взгляд не совсем продуманным. Только ленивый не говорил в конце ноября 1904 года в Артуре про неизбежную войну с Японией, что давало повод для беспокойства, особенно среди местных японцев, которые в последнее время все чаще попадали в поле зрения русских военных, подозревающих последних в шпионаже.

Что же касается моей ежедневной рутины, то эта были служба и строительство укрепления форта № 2. Там же были казармы для солдат и офицеров. Форт загораживало собой так называемое Орлиное гнездо – это гора или высота, на которой стоят батарея и пулеметы. Я всерьез начал интересоваться нашей новой Квантунской областью и разузнал кое-какую историческую информацию.

Нужно признать, что крепости здесь на этой земле в этих же окрестностях строили еще до прихода русской армии. Как я слышал, лет двадцать назад здесь вел строительство крепостей какой-то немец. Строились они для китайской империи Цинь. Все логично, так как столица Китая Пекин находилась недалеко от этого порта в Желтом море. Тут китайцы планировали выстроить укрепления таким образом, чтобы защитить свою столицу как с моря, так и с сухопутья, но судьба распорядилась иначе, отдав в пользование эту землю России. Вообще, когда я еще находился в России, я не скажу, что часто, но слышал от обывателей о том, что мы захватили часть Китая и поработили местное население. Ни возразить, ни согласиться я тогда не мог, так как плохо представлял себе эту Квантунскую область, но сейчас я могу с уверенностью сказать, что если бы русские не зашли сюда вовремя, то однозначно зашли бы англичане или немцы. Сейчас под немецкой оккупацией находится Циндао. Там такой же колорит смешения культур и всего остального. Англичане же после опиумной войны представились миру как агрессивные захватчики и пытались оккупировать почти все Тихоокеанское побережья Китая. При посредничестве Российской империи этого не случилось, и в награду за это мы получили Приморскую область без единой капли крови и без единого выстрела.

Политические игры, да и только! Так можно ли было говорить о насильственной оккупации с нашей стороны? Конечно же, нет, тем более что эту землю наш император взял в аренду, то есть на законных основаниях. Кстати, в Приморской области или, как ее еще называют Уссурийском крае, есть замечательный совсем еще молодой город Владивосток, именно оттуда перебазировался наш военный флот в Артур, как я уже говорил ранее. Восточно-Китайская железная дорога, по которой я прибыл сюда, проходила дальше от Порт-Артура на северо-восток до самого Владивостока и Никольск-Уссурийска. Это, пожалуй, два самых крупных города в Приморье. Я конечно в них не бывал но обязательно буду. Так вот, если мы посмотрим на карту, то увидим, что интересы у русских были в этих далеких краях давно и еще были дальнейшие планы по закреплению здесь русских окончательно и бесповоротно. Нередко здесь, да и в России можно было услышать или прочитать, как уже озаглавили одним словом эти русские дальневосточные земли, красивым словом – Желтороссия. Но все же между Владивостоком и Артуром было громадное расстояние по суше. По морю же расстояние было еще больше: чтобы попасть из одной точки в другую, нужно было обогнуть п-ов Корея. Надо еще отметить, что корейцы также опасались попасть под влияние одной из двух империй, будь то Россия или Япония. И небезосновательно, конечно, опасались – силы были не равны. Японцы же, как мы помним, обещали «вернуться», разумеется, вернуться с войной, так как под давлением России они были вынуждены оставить Ляодунский полуостров, в который входила нынешняя Квантунская

область. Конечно, гордые японцы не могли выдержать такого унижения. Одним словом, все понимали, что война неизбежна. Повторюсь, что так не считали только наши высокопоставленные дипломаты и военные, которые почему-то были убеждены что Япония не посмеет напасть на Россию. По их мнению, у японцев было мало для этого сил. Так или иначе, но отношения между странами были на пределе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.